

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Дружинина Екатерина Андреевна

**ОБОЗНАЧЕНИЕ ХОЛОДНЫХ ЦВЕТОВ СПЕКТРА
В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ VIII–IV ВВ. ДО Н.Э.**

Специальность 10. 02. 14. –

**Классическая филология,
византийская и новогреческая филология**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2009

Диссертация выполнена на кафедре классической филологии
факультета филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета

- Научный руководитель:** доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского Института истории РАН
Гаврилов Александр Константинович
- Официальные оппоненты:** доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники РАН
Жмудь Леонид Яковлевич
- доктор филологических наук
Смышляева Вера Павловна
- Ведущая организация:** Петрозаводский государственный университет

Защита состоится « ____ » _____ 2009 года в ____ часов на заседании совета
Д 212.232.23 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петер-
бургском государственном университете по адресу:
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11., ауд. 191.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета по адресу:
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

К. А. Филиппов

Диссертационное сочинение посвящено исследованию обозначений холодных цветов спектра (т.е. синего, голубого и зеленого) в древнейший период греческой литературы.

Вопрос о существовании обозначений для холодных цветов спектра в древних языках и о восприятии данных цветов в древних культурах был поставлен в середине XIX века, когда получила распространение теория, согласно которой в древности человеческий глаз ввиду патологии цветового зрения был способен различать далеко не все цвета. Эта теория была впервые сформулирована известным политиком и ученым В. Гладстоном, который, исследовав цветообозначения у Гомера, пришел к выводу, что в гомеровскую эпоху холодные цвета спектра не воспринимались вообще и как раз поэтому не нашли отражения в языке гомеровских поэм. Следует отметить, что уже в конце XIX в. теория Гладстона была опровергнута с точки зрения физиологии и антропологии. В науке XX в. цветовая лексика исследовалась с иных позиций: если в XIX в. ученых интересовало в основном, свидетельствуют ли данные языка о (не)способности древних различать цвета, то в XX в. больше внимания уделялось семантике цветковых прилагательных. Несмотря на то, что отдельным словам были посвящены целые диссертации, выводы, к которым приходили филологи, были противоречивы.

Таким образом, вопрос о том, существуют ли в гомеровском языке обозначения для синего и зеленого цветов, не потерял своей **актуальности** и по сей день.

Объектом настоящего исследования является лексико-семантическая группа обозначений синего, голубого и зеленого цветов. Отдельно рассматриваются прилагательные неясного происхождения, которые могут претендовать на роль обозначений этих цветовых оттенков.

Предметом диссертационного исследования является история семантического развития выбранных лексем.

Автор ставит своей **целью** описать лексико-семантическое поле обозначений холодных цветов спектра в древнегреческом языке. Диссертация является лингвистическим исследованием, позволяющим сделать вывод о том, как формировалось данная лексико-семантическая группа у греков в период с VIII по IV вв. до н.э. Для достижения данной цели предполагалось решить следующие **задачи**: 1) выделить

лексико-семантическую группу имен холодных цветов спектра; 2) проследить историю семантического развития каждой лексемы; 3) выяснить, на каком этапе развития языка у каждой из лексем появляется цветное значение; 4) оценить, насколько правомерна для древнегреческого языка гипотеза, согласно которой в древних языках нередко отсутствуют обозначения синего и зеленого цветов.

Методика исследования включает в себя семантико-стилистический, лингвистический, метрический, текстологический, а также историко-культурный анализ текста. Инструментарий исследования предполагает использование критических и комментированных изданий текстов, схолиев античных грамматиков, научных статей и монографий, а также специальных словарей и компьютерных программ, которые позволяют провести исчерпывающий статистический анализ материала. По мере необходимости привлекаются данные смежных дисциплин: индоевропеистики, микенологии, семитологии, археологии, искусствоведения.

Основным **материалом** исследования являются произведения древнегреческой литературы VIII–IV вв. до н.э., а также эпиграфические источники того же периода.

Научная новизна состоит в уточнении и развитии методики, применяемой для исследования цветообозначений в древнегреческих текстах VIII–IV вв. до н.э. До сих пор ни в отечественной, ни в западной литературе не появилось работы, специально посвященной исследованию холодных цветов спектра. Проведенный историко-этимологический и контекстуальный анализ позволил установить путь, по которому шло формирование данной лексико-семантической группы. В диссертации прослеживается появление и развитие цветковых значений у исследуемых лексем от древнейших памятников древнегреческой литературы VIII–VII вв. до н.э. до научных трудов IV в. до н.э.

Теоретическая значимость обусловлена тем, что в работе изучена история семантического развития ряда древнегреческих лексем с цветковым значением на материале древнегреческой литературы VIII–IV вв. до н.э. В ходе проведенного исследования были выдвинуты дополнительные аргументы, опровергающие гипотезы об инаковости мышления и физиологической неспособности древних греков различать холодные цвета спектра.

Практическая значимость заключается в том, что частные наблюдения и общие выводы диссертации могут быть использованы в общих курсах по истории античной культуры и древнегреческой литературы, при чтении спецкурсов по греческой лексикологии и исторической семантике, а также при аудиторном чтении и толковании древнегреческих авторов.

В результате исследования сформулированы и **выносятся на защиту следующие положения:**

1. Теория об отсутствии цветообозначений холодных цветов спектра в древнейший период греческого языка (В. Гладстон, Э. Ирвин, Г. Дюрбек) не находит себе подтверждения. Напротив, указанная лексико-семантическая группа сложилась еще в раннегреческом эпосе VIII вв. до н.э. Уже у Гомера $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ могло означать «светло-голубой», $\kappa\upsilon\acute{\alpha}\nu\epsilon\omicron\varsigma$ – «темно-синий», а $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ – «желто-зеленый».

2. Гомеровский эпос оказал решающее влияние на развитие данной лексико-семантической группы в литературе VI–IV вв. до н.э. Для уточнения семантики цветных прилагательных истинный цвет того или иного предмета не играет существенной роли: гораздо важнее для решения таких задач оказывается поэтическая традиция, восходящая к поэмам Гомера. Так, прилагательное $\kappa\upsilon\acute{\alpha}\nu\epsilon\omicron\varsigma$ под влиянием гомеровского выражения $\kappa\upsilon\acute{\alpha}\nu\omicron\varsigma \mu\acute{\epsilon}\lambda\alpha\varsigma$ получает значение «черный», прилагательное $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ становится эпитетом оливы, священного дерева Афины, по ассоциации с гомеровским эпитетом Афины $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\nu\iota\varsigma$, у прилагательного $\chi\alpha\rho\omicron\pi\acute{o}\varsigma$ под влиянием гомеровской формулы $\chi\alpha\rho\omicron\pi\acute{o}\iota \tau\epsilon \lambda\acute{\epsilon}\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ появляется значение «светло-коричневый».

3. Некоторые гомеровские слова, утратив первоначальное значение, переосмысливаются, порой весьма неожиданным образом. Если у Гомера прилагательное $\chi\alpha\rho\omicron\pi\acute{o}\varsigma$, будучи эпитетом грозных львов, скорее всего, означает «яростный», то в прозаическом языке V в. до н.э. это слово, постоянно ассоциируясь со львами, становится цветообозначением для светло-коричневого оттенка.

4. Древнегреческие цветообозначения нередко указывают наряду с цветовым оттенком на определенную световую насыщенность. Например, прилагательное $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ означает не только «голубой», но и «светлый», $\kappa\upsilon\acute{\alpha}\nu\epsilon\omicron\varsigma$ – не только «синий», но и «темный», $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ – не только «желто-зеленый», но и «бледный».

Апробация работы. Материал диссертации был представлен в докладах на секции классической филологии XXXVII и XXXVIII международной филологической конференции преподавателей и аспирантов в Санкт-Петербургском государственном университете (2008 и 2009 г.), а также на аспирантском семинаре кафедры классической филологии (2006 и 2007 г). По теме диссертации опубликовано 3 работы.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, индексов, списка сокращений и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Во **Введении** излагается история вопроса, обосновывается актуальность темы, формулируются цели и задачи работы, определяется материал исследования и структура работы.

В первой главе «Холодные цвета в древнегреческой культуре» дается краткий обзор философских учений о цвете и месте холодных цветов спектра в них, а также говорится о цветовой палитре в древнегреческом искусстве VIII–IV вв. до н.э.

В разделе **«Холодные цвета спектра в философской традиции»** приводится краткий очерк учений о цветах у древнегреческих философов. Рассматривая учение о цвете в философской традиции, автор пытается проследить, какое место занимают холодные цвета спектра в том или ином философском построении.

Подробно обсуждается учение Эмпедокла, поскольку именно ему традиция приписывает теорию четырех цветов, в которой синий и зеленый цвета исключаются из числа основных. На основании сообщения Аэция теория четырех цветов рассматривается обычно как следствие теории Эмпедокла о четырех элементах (*Aet.* 1, 15, 3). Однако анализ фрагмента Эмпедокла (*Simpl. Phys.* 159, 27 = *Emp.* В 23 D.–K.), где говорится о красках живописцев, приводит к мысли, что основными у Эмпедокла следует считать только два цвета: черный и белый. Таким образом, не только синий и зеленый, но желтый и красный исключаются из числа основных. Это наблюдение делает неправдоподобной теорию, согласно которой в древности теплые цвета спектра (желтый, красный) воспринимались отчетливее холодных (синий, зеленый).

Значительное влияние на учение о цвете оказал Демокрит, посвятивший данной проблеме специальное сочинение, содержание которого нам известно в пересказе Феофраста. Согласно Феофрасту, Демокрит выделил 4 основных цвета: белый, черный, красный, желто-зеленый. Остальные цвета объясняются смешением этих четырех.

Наконец, в философских построениях Платона и Аристотеля холодным цветам также отводится одно из последних мест. Например, в «Тимее» (*Plat. Tim. 67e–68d*) в последовательности образования цветов на первом месте стоят белый, черный и красный; синий, голубой и зеленый, напротив, оказываются в этой последовательности на последних местах.

Раздел **«Холодные цвета спектра в древнегреческой живописи»** посвящен цветовой палитре древнегреческого искусства. В этом кратком обзоре внимание уделяется, в основном, цветам греческой живописи: о цветах архитектуры и скульптуры можно судить по остаткам красок, между тем, как сведения о красках художников основаны, по большей части, на сообщениях эллинистических и римских авторов. Впрочем, для архаического периода мы располагаем археологическими находками, подтверждающими, что живописцам VII–VI вв. до н.э. были знакомы краски всех цветов спектра. В V в. до н.э. техника греческой живописи претерпела серьезные изменения: художники начинают смешивать краски, чтобы получать новые цветовые оттенки. Если в архаической живописи цвета были яркие, то в классической цветовые оттенки становятся спокойными и приглушенными. Плиний Старший (*Hist. Nat. XXXV, 50*) и Цицерон (*Brut. XVIII, 70*) сообщают, что в классический период палитра греческих живописцев ограничивалась четырьмя цветами: белым, черным, красным и желтым. Данные сообщения, вероятно, указывают на появление в IV в. до н.э. специальной техники σκιαγραφία и ни в коей мере не свидетельствуют о том, что в V в. до н.э. и раньше живописцам были незнакомы краски синего и зеленого оттенков.

Таким образом, ни археологические, ни литературные свидетельства не подтверждают мнение, что в архаическую и классическую эпоху холодные цвета спектра воспринимались хуже остальных цветов.

Вторая глава **«Семантика γλαυκός и его производных»** посвящена значению лексем γλαυκός, γλαυκῶπις и γλαυκίῶν.

В разделе «Семантика *γλαυκός*» делается попытка прояснить первоначальное значение *γλαυκός* и дальнейшее его развитие в литературных произведениях архаического и классического периодов.

В начале раздела приводятся различные мнения по поводу происхождения *γλαυκός*. П. Перотти (1989) постулировал для *γλαυκός* индоевропейский корень **γλα-/*γαλ-*, представленный в греч. *ἀγλαός* («блестящий»), *γαλήνη*, *ἀγάλλομαι* («светиться»). М. Лейманн (1950) считал, что прилагательное *γλαυκός* появилось в древнегреческом языке в результате сокращения древнейшего эпитета Афины *γλαυκῶπις*. Это объяснение было подвергнуто суровой критике в работах П. Шантрена (1966) и В. Пёчера (1998), которые, сопоставив *γλαυκός* с данными крито-микенской и греческой ономастики (Ка-га-и-ко Сп. 285, 4; Јп. 832, 5; 706, 8, *Γλαῦκος*), пришли к выводу, что прилагательное *γλαυκός*, возможно, принадлежит к древнейшему пласту греческой лексики, и потому с уверенностью говорить о его происхождении не приходится. С точки зрения автора диссертации, ни одна из предложенных этимологий не является удовлетворительной и не помогает надежно решить вопрос о первоначальном значении этого прилагательного в древнегреческом языке.

Далее обсуждается 2 трудных места из раннегреческого эпоса, где употребляется *γλαυκός* (*Hom.* II. XVI, 34; *Hes.* Theog. 440).

У Гомера это слово засвидетельствовано лишь один раз применительно к морю: Патрокл, упрекая Ахилла в равнодушии, сравнивает его с морем, именуемым *γλαυκή* (II. XVI, 34). В научной литературе не раз высказывалось мнение, что в данном пассаже это прилагательное означает «блестящий». К этому толкованию склонялись: Г. Фаренгольц (1959), В. Капелле (1958), Г. Дюрбек (1977), П. Перотти (1989). Такое же значение дают и основные словари древнегреческого языка. С другой стороны, Э. Феккенштедт (1888), П. Шантрен (1966), П. Максвелл-Стюарт (1981) и В. Пёчер (1998), опровергая названное выше традиционное толкование, считали, что *γλαυκός* уже у Гомера обладает цветовым значением и в данном контексте указывает на светло-голубой оттенок моря. Против традиционного толкования автор диссертации со своей стороны приводит следующие аргументы: 1) *Γλαυκή* могло означать здесь «блестящий» только в том случае, если этот украшающий эпитет моря являлся бы частью эпической формулы. Между тем, стати-

стический анализ показывает, что в гомеровском эпосе море почти никогда не имеет при себе эпитета со значением «блестящий», а метрическая позиция $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{\eta}$ в данном стихе опровергает предположение, что $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{\eta}$ $\theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$ представляет собой устойчивую формулу. 2) Против значения «блестящий» говорит и общий контекст речи Патрокла, обвиняющего Ахилла в равнодушии и бессердечности.

Обсуждая различные толкования гомеровского пассажа II. XVI, 34, автор диссертации рассматривает, в частности, примечательный стих из «Теогонии» Гесиода, где говорится о тех, кто «бороздит море» (*Hes. Theog. 440: καὶ οἱ τὴν γλαυκὴν δυσπέμφελον ἐργάζονται*). Этот стих, очевидно, является аллюзией на исследуемый пассаж из «Илиады», т. к. и здесь $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ тоже относится к морю. Впрочем, истолковать значение $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ у Гесиода оказывается еще труднее, чем у Гомера: отсутствие существительного со значением «море», с которым бы были согласованы прилагательные $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{\eta}\nu$ и $\delta\upsilon\sigma\pi\acute{\epsilon}\mu\phi\epsilon\lambda\omicron\nu$, а также необычное употребление глагола $\acute{\epsilon}\rho\gamma\acute{\alpha}\zeta\omicron\mu\alpha\iota$ затрудняют понимание всего стиха в целом и значения $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{\eta}\nu$ в частности. М. Вест (1965) предполагал, что $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ здесь означает «серый», П. Максвелл-Стюарт (1981) настаивал на значении «голубой», обосновывая это тем, что голубой цвет, как и морская стихия, ассоциировался у греков с чем-то опасным и непредсказуемым. Наконец, В. Пёчер (1998), защищая значение «серо-голубой» и пытаясь нивелировать возникающее в этом случае противоречие между $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{\eta}\nu$ («светло-голубой») и $\delta\upsilon\sigma\pi\acute{\epsilon}\mu\phi\epsilon\lambda\omicron\nu$ («бурный, опасный»), предложил рассматривать $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{\eta}\nu$ как прямое дополнение при $\acute{\epsilon}\rho\gamma\acute{\alpha}\zeta\omicron\mu\alpha\iota$, а $\delta\upsilon\sigma\pi\acute{\epsilon}\mu\phi\epsilon\lambda\omicron\nu$ понимать пролептически. Принимая значение «серо-голубой», автор диссертации не может согласиться с аргументами Максвелла-Стюарта и Пёчера и предполагает, что из всех гомеровских эпитетов моря Гесиод выбрал эпитет $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$, чтобы таким образом выразить свою неприязнь к морю. Ведь из общего тона речи Патрокла (II. XVI, 33–35) косвенно следует, что эпитет моря $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{\eta}$ должен был нести в себе отрицательную коннотацию, а для Гесиода эпитет именно с этой окраской как нельзя лучше подходил на роль обозначения моря вообще в духе любимых им «кеннингов». По крайней мере, кажется маловероятным, что Гесиод употребил его в нейтральном значении «блестящий».

Таким образом, анализ словоупотребления $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ в раннегреческом эпосе не позволяет согласиться с традиционным толкованием, которое подразумевает, что

первоначально это прилагательное означало «блестящий». Цветовое значение «серо-голубой», напротив, представляется более уместным. Впрочем, материал раннегреческого эпоса, ограничивающийся всего двумя примерами, не дает возможности провести неопровержимое доказательство этого тезиса.

Далее представлен обзор употребления $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ в греческой литературе VI–IV вв. до н.э. Приведенная классификация, построенная по денотативному принципу, показывает, что в прозаической традиции $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ чаще всего употребляется применительно к глазам, а в поэтической – применительно к морю, листьям оливкового дерева, вину и луне.

Примеры словоупотребления $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ применительно к глазам (*Xenoph.* Fr. 14 D; *Her.* IV, 108; *Ctes.* Ind. Fr. 67; *Xen.* Cyn. V, 22–3; *Plat.* Phaedr. 253 d–e; *Arist.* De gen. anim. 779 a, *Eth.* Eud. 1247 a 12) позволяют обосновать значение «серо-голубой». В этой связи особенно ценны примеры из сочинений Аристотеля, где не один раз приводится классификация глаз по цвету, согласно которой $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ противопоставлено другим цветам глаз: $\mu\acute{\epsilon}\lambda\alpha\varsigma$, $\chi\alpha\rho\omicron\pi\acute{o}\varsigma$, $\alpha\iota\gamma\omega\pi\acute{o}\varsigma$. Дополнительным аргументом в пользу значения «серо-голубой» можно считать примеры, где при описании внешних примет тех или иных народов $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ стоит рядом с прилагательным $\pi\upsilon\rho\rho\acute{o}\varsigma$ («рыжий»), характеризующим цвет волос (*Xenoph.* Fr. 14 D; *Her.* IV, 108; *Pap.* Petrie III, 4, 120), так как считается, что у людей с рыжими волосами глаза чаще всего бывают серо-голубого оттенка.

В языке аттической драмы $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ иногда служит эпитетом моря. Очевидно, в трагедию данный эпитет моря проник под влиянием Гомера. По мнению Шантрена (1966), в языке трагедии $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ уже имеет постоянное значение «блестящий серо-голубой». Впрочем, можно показать, что и в трагедии исследуемое слово использовалось в исконном цветовом значении, как, например, в «Елене» Еврипида, где $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ стоит в одном ряду с $\kappa\upsilon\alpha\nu\acute{o}\chi\rho\omicron\omicron\varsigma$ и $\pi\omicron\lambda\iota\acute{o}\varsigma$ (*Eur.* Hel. 1501–1502). Однако, если $\kappa\upsilon\alpha\nu\acute{o}\chi\rho\omicron\omicron\varsigma$ в этом пассаже означает не «синий», а «темный», можно предположить, что и $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ характеризует море не с точки зрения цвета как такового, а с точки зрения насыщенности и означает в таком случае «светлый». Подобная семантика, очевидно, прослеживается и в других поэтических примерах: очевидно, в таком духе следует понимать данное прилагательное, когда оно выступает как эпитет оливковых веток (*Bacch.* VIII, 28; XI, 26–9; *Pind.* Ol. III, 12–3), луны, или вина (*Alc.*

115, 8 L.–P.; *Soph.* Trach. 703–704). Стоит отметить, что выбор эпитета во многих случаях может быть обусловлен лишь поэтической традицией: вполне вероятно, что олива, священное дерево Афины, получила в хоровой лирике эпитет $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ по ассоциации с древним культовым эпитетом Афины $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\tilde{\omega}\pi\iota\varsigma$.

Таким образом, в греческой литературе VI–IV вв. до н.э. прилагательное $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ означает «серо-голубой» или «светлый».

Подводя итог, можно сказать, что материал, описанный в данном разделе, не позволяет согласиться с популярным в науке мнением, что прилагательное $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$, первоначально не являясь цветообозначением, получило цветовое значение лишь в V в. до н.э. Представляется более вероятным, что цветовое значение могло сложиться уже в раннегреческом эпосе, а в языке VI–IV вв. до н.э. получило более широкое распространение.

Раздел «Семантика $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\iota\acute{o}\omega\nu$ и $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\tilde{\omega}\pi\iota\varsigma$ » посвящен двум неясным гомеровским эпитетам.

Древнее выражение $\lambda\acute{\epsilon}\omega\nu \gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\iota\acute{o}\omega\nu$ засвидетельствовано в эпической традиции лишь дважды (II. XX, 172; *Ps.-Hes.* Scut. 430). В обоих случаях речь идет о неистовом льве, который в бешенстве мчится на своих врагов. По поводу эпитета разъяренного льва $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\iota\acute{o}\omega\nu$, представляющего собой форму причастия от отыменного глагола $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\iota\acute{\alpha}\omega$, высказывались различные мнения. Традиционно считается, что $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\iota\acute{o}\omega\nu$ означает «со сверкающими глазами». К такому объяснению склонялось большинство составителей словарей древнегреческого языка, а также Г. Фаренгольц (1959), Г. Дюрбек (1977), П. Перотти (1989) и др. Высказывались и другие предположения. Так, Э. Кобер (1933) считала, что это слово указывает на серо-зеленоватый цвет львиных глаз. С точки зрения П. Максвелла-Стюарта (1981) и П. Шантрена (1966), под $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\iota\acute{o}\omega\nu$ имеется в виду не серо-зеленоватый, а серо-голубой цвет глаз, к которому, как они пытаются доказать, греки относились с опаской. Наконец, относительно недавно (1995) В. Пёчер выдвинул оригинальную гипотезу, что глагол $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\iota\acute{\alpha}\omega$ был образован не от прилагательного $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$, как принято считать, а от существительного $\gamma\lambda\alpha\tilde{\upsilon}\xi$ («сова»), и эпитет льва $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\iota\acute{o}\omega\nu$ означает «с глазами желтыми и страшными, как у сов». Против этого толкования говорит, по меньшей мере, то обстоятельство, что слово $\gamma\lambda\alpha\tilde{\upsilon}\xi$ в эпической традиции не засвидетельствовано. Очевидно, древнее формульное выражение $\lambda\acute{\epsilon}\omega\nu \gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\iota\acute{o}\omega\nu$,

встречающееся у Гомера лишь однажды, уже в античности было неясным, а традиционное толкование «с блестящими глазами» является результатом позднейшего переосмысления древней эпической формулы.

Далее обсуждается значение не менее темного, хотя и существенно чаще встречающегося гомеровского эпитета. Речь идет о древнем культовом эпитете Афины $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\tilde{\omega}\pi\iota\varsigma$. Вопрос о происхождении и первичном значении данного эпитета был поставлен еще древними филологами, которые, возводя первую часть композита к прилагательному $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$, предполагали, что $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\tilde{\omega}\pi\iota\varsigma$ означает «со сверкающими глазами». В новое время эпитет Афины $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\tilde{\omega}\pi\iota\varsigma$ иногда связывали не с прилагательным $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$, а с существительным $\gamma\lambda\alpha\tilde{\upsilon}\xi$ («сова»), переводя его как «совоокая» или «соволикая». Этой точки зрения придерживались О. Йессен (1912), М. Лейманн (1950), Л. Мальтен (1961), Р. Ганзинек (1962), Г. Дюрбек (1977), Л. Бардойе (1991), В. Пёчер (1997). Не соглашаясь с таким толкованием, Э. Кобер (1933), Э. Ватсон-Вильямс (1954), П. Шантрэн (1966) и П. Максвелл-Стюарт (1981) считали, что $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\tilde{\omega}\pi\iota\varsigma$ означает «голубоглазая». Последнее предположение представляется более убедительным по следующим причинам: 1) Существительное $\gamma\lambda\alpha\tilde{\upsilon}\xi$ в раннегреческом эпосе не засвидетельствовано, а в аттическом языке появляется только начиная с V в. до н.э. 2) Как показывает фундаментальное исследование К. Мейе (1970), привлекающего археологические и литературные свидетельства, сова становится священной птицей Афины не ранее VI в. до н.э. В раннегреческом эпосе Афина, постоянно превращаясь в различных птиц, ни разу не принимает облика совы. 3) Хотя в классический период, сова уже была атрибутом Афины, так что в литературе они нередко упоминаются рядом (*Aristoph. Av.* 516, *Equit.* 1093 etc.), литературная традиция обычно ассоциирует $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\tilde{\omega}\pi\iota\varsigma$ с $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ (*Soph. Oed. Col.* 694–705; *Aristoph. Thesm.* 315 sqq.; *Anacr.* XV, 17–20; *Paus.* I, 14, 6; *Diod. Sic.* I, 12, 28), а не с $\gamma\lambda\alpha\tilde{\upsilon}\xi$, что, очевидно, свидетельствует о том, что первую часть композита греки с совой не связывали.

Таким образом, гомеровские эпитеты $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\iota\acute{o}\omega\nu$ и $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\tilde{\omega}\pi\iota\varsigma$ можно рассматривать как производные от прилагательного $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$. Если в форме $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\iota\acute{o}\omega\nu$ первоначальное значение $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ выделить довольно трудно, то в начальном элементе древнейшего композита $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\tilde{\omega}\pi\iota\varsigma$, очевидно, преобладает цветовое значение «серо-голубой». Данный вывод подкрепляет гипотезу о том, что уже в самый ран-

ний период развития древнегреческого языка прилагательное γλαυκός мыслилось как цветообозначение.

В третьей главе «Семантика κῦανος» рассматривается история значения прилагательного κῦανος и его производных: κυανοχαίτης, κυανῶπις, κυανόπρωρος и др.

Раздел «Семантика κῦανος» посвящен вопросу о значении этого существительного, а именно тому, какого цвета был предмет, обозначаемый существительным κῦανος. У Гомера это слово засвидетельствовано трижды (Ил. XI, 24; 35; Од. VII, 87). В «Илиаде» κῦανος с эпитетом μέλας («черный») упоминается при описании доспехов Агамемнона. Между тем, в «Одиссее» это слово появляется, когда речь идет об украшении карниза на стенах во дворце Алкиноя. Это описание обычно сопоставляют с мегароном Тиринфского дворца, при этом, как известно, украшения, обнаруженные на карнизе этого здания, были не темные, а светлые. Таким образом, поэмы Гомера не позволяют ответить на вопрос, какое украшение имеется в виду под κῦανος. На этот счет в науке высказывались различные предположения: В. Гладстон (1858) считал, что это украшение из бронзы, Дж. Эванс (1912) – из стали, Г. Жермен (1954) – из железа. В. Гельбиг (1887) и Г. Блюмнер (1912) предполагали, что κῦανος у Гомера подразумевает инкрустацию из лазурита. Чтобы уточнить возможное значение κῦανος в поэмах Гомера, автору диссертации пришлось выйти за рамки классической филологии и обратиться к данным смежных дисциплин (сравнительного языкознания, семитологии, микенологии, археологии) и даже минералогии.

В начале обсуждается проблема этимологии κῦανος и приводятся различные гипотезы, основанные на фонетическом и семантическом сближении κῦανος с индоевропейскими и семитскими параллелями. В. Прельвиц (1905) сопоставлял греч. κῦανος с лит. švīnas и латыш. svīns, которые родственны русск. *свинец*. Гаупт (1927) сближал греч. κῦανος с аккадским uqūm («лазурит»). Р. Алё (1969) высказал мнение о родстве между греч. κῦανος и хетт. ku(wa)nna и лув. kuwanzu («медь»). Это сопоставление представляется наиболее убедительным, хотя и не проливает свет на значение κῦανος в древнегреческом языке.

Далее рассматриваются две пилосские таблички (Та 642, 714), где несколько раз встречается существительное kuwano, ставшее прототипом для греч. κῦανος. Из

контекста пилосских табличек становится понятным, что в них существительным *kuwano* обозначается некое дорогостоящее украшение мебели.

Затем автор диссертации останавливается на гомеровском выражении *τράπεζα κραιώπεζα* (*Hom. II. XI, 628–629*), которое является близкой параллелью к текстам табличек Та 642 и 714. Композит *κραιώπεζα* привлекал внимание филологов уже в древности: так в схолиях (*Schol. Hom. II. XI, 629*), а также в комментарии Евстафия к этому месту (*Eust. Comm. ad loc.*) *τράπεζα κραιώπεζα* толкуется как «стол, украшенный инкрустациями из *κράνος*». В новое время предлагались и другие объяснения: согласно словарю LSJ, это выражение означает «стол с ножками из *κράνος*»; с точки зрения Э. Ирвин (1974), следующей за словарями Байи (1950) и Папе (1888), композит *κραιώπεζα* указывает на темный цвет ножек, а не на материал, из которого они были сделаны. По мнению автора диссертации, предпочтительным является толкование, предложенное схолиастом и Евстафием, которое делает более убедительным предположение о том, что под *kuwano* в текстах Та 642 и 714 имеется в виду инкрустация.

Здесь же приведены археологические свидетельства о лазурите, с которым чаще всего идентифицируют *κράνος*. Известно, что на Востоке лазурит был широко распространен, считался одним из дорогих минералов и применялся для украшения предметов мебели. Все эти данные в совокупности подкрепляют гипотезу, что *kuwano* в текстах Та 642 и 714 могло обозначать инкрустацию из лазурита.

Далее подробно разбирается свидетельство Феофраста о *κράνος* (*De lapid. 55*), где говорится о трех разновидностях этого минерала. Анализ этого пассажа позволяет предположить, что у Феофраста под одним названием объединены азурит, лазурит и египетское стекло, имитирующее лазурит. Различаясь химическим составом, азурит и лазурит одинаково окрашены в насыщенный синий тон. Очевидно, из-за схожести цвета эти минералы обозначаются у Феофраста одним словом. Последнее соображение представляется важным аргументом в пользу того, что *κράνος* у древних греков отчетливо ассоциировался с синим цветом. Таким образом, свидетельство Феофраста подтверждает гипотезу, что словами *κράνος* и *kuwano* обозначалась инкрустация из какого-нибудь синего минерала или искусственного синего стекла.

Автор диссертации считает, что представленный материал позволяет уточнить значение κῠανός у Гомера. Очевидно, в «Одиссее» (VII, 87) κῠανός, как и kuwano в текстах Та 642 и 714, обозначает инкрустацию из лазурита или синего стекла. В «Илиаде» (XI, 25, 34), где речь идет об оружии Агамемнона, выражение κῠανός μέλας, вероятно, подразумевает украшение на металле, выполненное в технике черни, которая по методу производства очень напоминает технику изготовления стекла. Можно предположить, что прилагательное μέλας в пассажах из «Илиады» представляет собой технический термин, обозначающий чернь и употребляющийся для того, чтобы отличить чернь от синего стекла.

В разделе «**Употребление κῠανός в раннегреческом эпосе**» автор прослеживает историю этого прилагательного у Гомера и Гесиода. Г. Дюрбек (1977), Э. Ирвин (1974), Г. Фаренгольц (1959) считали, что у Гомера это прилагательное означает «черный» или «темный». Пытаясь выявить первоначальное значение этого прилагательного, автор диссертации приходит к выводу, что прилагательное κῠανός, как и его прототип kuwanijō, означало «сделанный из синего стекла» или «выполненный в технике черни». Очевидно, что в последнем значении употребляется κῠανός применительно к змеям, изображенным на панцире Агамемнона (II. XI, 25). Относительное прилагательное с подобной семантикой могло бы стать абстрактным обозначением для синего цвета при переходе в разряд качественных. Однако, у Гомера этого не произошло, потому что в двух случаях из трех κῠανός, характеризуясь эпитетом μέλας, означает не «лазурит» и не «синее стекло», а «чернь». Следует признать, что выражение κῠανός μέλας оказало влияние на семантику прилагательного κῠανός, которое вскоре стало означать не столько «синий», сколько «темный».

Тем не менее, некоторые примеры словоупотребления показывают, что у Гомера κῠανός может означать не только «темный», но и «темно-синий». Основы полисемии были заложены еще у Гомера и объясняются двойственным употреблением κῠανός у Гомера: 1) чернь (II. XI, 25) и 2) синее стекло (Od. VII, 87).

Раздел «**Употребление κῠανός в греческой литературе VI–IV вв. до н.э.**» посвящен особенностям дальнейшего семантического развития κῠανός. С точки зрения Г. Дюрбека (1977), в V в. до н.э. у этого прилагательного под влиянием выражений Симонида, впервые употребившего κῠανός применительно к морю (Fr. 567.4 Page) и ласточке (Fr. 597 Page), появляется значение «синий». Анализ поэтических

и прозаических текстов, где *κυάνεος* относится к морю (*Simon. Loc. cit.; Eur. Iph. Taur. 6–7, Hel. 179; Arist. Probl. 944 b 21, De gen. anim. 779 b 30*) показывает, что в этих пассажах *κυάνεος* скорее означает «темный». Обзор других употреблений позволяет сделать вывод, что в классическую эпоху *κυάνεος* чаще означает «темный», причем может относиться как к черным, так и темно-синим вещам.

Если у Гомера *κυάνεος* и *μέλας* употребляются применительно к разным предметам и появление и того, и другого эпитета обусловлено ситуативно, то в поэзии VI–V вв. до н.э. они становятся взаимозаменяемыми и употребляются в одних и тех же случаях. Таким образом, популярная модель семантического развития, подразумевающая, что в раннегреческом эпосе *κυάνεος* означает «темный», а в классический период получает значение «синий», не находит подтверждения. Представляется более вероятным, что у Гомера прилагательное *κυάνεος* означало «темно-синий» и противопоставлялось прилагательному *μέλας*, а в поэзии VI–V вв. до н.э. в результате ассоциативной поэтической контаминации приблизилось к последнему по своему значению.

В четвертой главе «Семантика *χλωρός*» рассматривается история значения этого прилагательного.

Раздел «Значение и этимология» посвящен вопросам происхождения *χλωρός*. Очевидно, прилагательное *χλωρός* было образовано от существительного *χλόη* при помощи продуктивного суффикса *-ρ-*. Сопоставления с лит. *žolė, žālias*, русск. зелье, зеленый, лат. **helus* позволяют реконструировать для *χλόη/χλωρός* индоевропейский корень **ghel-*. Впрочем, данная реконструкция не дает ответа на вопрос о первоначальном значении этого корня.

В разделе «Употребление *χλωρός* в раннегреческом эпосе» приведен обзор словоупотребления этого прилагательного у Гомера и Гесиода. У Гомера это прилагательное употребляется применительно к свежесрубленной древесине (*Od. IX, 319, 378, XVI, 47*), меду (*Il. XI, 630–831; Od. X, 234–235*) и цвету лица (*Il. X, 375, XV, 4; VII, 77; Od. XI, 633*). По мнению Э. Ирвин (1974), у Гомера прилагательное *χλωρός* еще не является именем цвета, означая лишь «свежий» или даже «сырой». Полемизируя с Ирвин, автор диссертации приходит к заключению, что уже у Гомера *χλωρός* может означать, с одной стороны, «свежий», а с другой – «светло-зеле-

ный» или «бледный». Полисемия, очевидно, объясняется, различными качествами недавно срубленной древесины, применительно к которой в «Одиссее» трижды употребляется *χλωρός*: она сырая и одновременно светло-зеленая.

Стоит отметить, что цветовой оттенок, обозначаемый прилагательным *χλωρός*, ближе к нашему желтому, чем к зеленому. В некоторых случаях *χλωρός* относится к промежуточному тону и может переводиться как «желто-зеленый». Аргументом в пользу цветового значения является древняя эпическая формула *χλωρόν δέος* («бледный ужас»), указывающая на бледно-зеленоватый цвет лица.

В разделе «**Χλωρός в языке VI–IV вв. до н.э.**» обсуждается употребление этого прилагательного в классическом языке. В этот период прилагательное характеризует не только растения (*Anacr.* 443 P; *Aristoph.* *Lys.* 255; *Soph.* *Ant.* 1132, *Od.* *Col.* 673; *Eur.* *Bacch.* 38, 107, 866, *Iph.* *Aul.* 759–760 etc.), мед (*Xenoph.* *Fr.* 34. 1 D), цвет лица (*Sapph.*, 31.14 L.–P.; *Thuc.* II, 49; *Plat.* *Resp.* 474 d; *Theocr.* X, 27), но и сыр (*Lys.* 23, 6; *Aristoph.* *Ran.* 559), хлеб (*Thuc.* IV, 6), капли вина и росы. Из приведенного обзора словоупотребления видно, что в некоторых примерах *χλωρός* безусловно означает «свежий» (особенно применительно к жидкостям и еде), а в иных случаях является цветообозначением для оттенков от темно-зеленого до светло-желтого. Очевидно, что начиная с Гомера развитие семантики *χλωρός* шло параллельно в двух направлениях, которые в языке VI–IV вв. получили дальнейшее развитие.

Наконец, раздел «**Эпитет соловья χλωρήϊς у Гомера (Od. XIX, 518) и в последующей литературной традиции**» целиком посвящен гомеровскому выражению *χλωρήϊς ἀηδών* из XIX песни «Одиссеи», где Пенелопа, рассказывая о своих печалях, сравнивает себя с соловьем (*Od.* XIX, 518–529). По поводу значения эпитета соловья *χλωρήϊς* высказывались различные мнения. С точки зрения О. Кернера (1932), *χλωρήϊς* обозначает здесь особую разновидность соловьев, которая отличается желтоватой окраской оперения. В таком духе понимали это слово еще в древности (*Simon.* 586. 2 Page; *Arist.* *Hist. Anim.* 615 b 32). В новое время были предложены и другие объяснения. Опираясь на значение «бледный» в выражении *χλωρόν δέος* («бледный ужас»), Дж. Борастон (1911) предположил, что *χλωρήϊς* означает «бледный», т. к. соловей, как и Пенелопа, преисполнен печали и страха. По мнению Г. Дюрбека (1977), форма *χλωρήϊς* означает «поющий в свежей листве», восходя к композиту *χλωρ-αΓίδς, вторая часть которого родственна глаголу *ἀείδω*

(«петь»). С точки зрения автора диссертации, *χλωρίς* не является композитом, а представляет собой просто эпическую форму ж. р. от прилагательного *χλωρός*: применительно к соловью форма с суффиксом *-ις* могла возникнуть еще и потому, что этот суффикс характерен для существительных, обозначающих птиц: *χαλκίς*, *κύμνις*, *ύποληίς*. Исконное значение *χλωρίς* загадочно; тем не менее, кажется более вероятным, что данный гомеровский эпитет следует связывать не с цветом оперения соловьев, а с цветом распускающихся весной деревьев, где чаще всего обитают соловьи.

В пятой главе «**Семантика *χαροπός***» автор прослеживает историю употребления прилагательного с весьма спорным значением. У Гомера оно засвидетельствовано всего один раз в качестве постоянного эпитета львов (Od. XI, 611).

В разделе «**Значение и этимология**» приведены различные мнения по поводу происхождения этого прилагательного. Й. Латач (1966), считая, что *χαροπός* родственно *χαίρω* и *χάρμη*, предполагал, что данное прилагательное означает «со стремительным взглядом». Г. Дюрбек (1977), опираясь на сопоставления *χαροπός* с *χάρων* и лат. *er* («ёж»), пришел к выводу, что *χαροπός* означает «взъерошенный, косматый». Наконец, П. Максвелл-Стюарт (1981), сближая *χαροπός* с санскр. цветообозначением *hāgi*, видел в этом эпитете указание на светло-коричневый оттенок львиных глаз. Последнее толкование, кажется, можно отвергнуть, а сделать выбор между двумя первыми довольно трудно.

В разделе «**Χαροπός в раннегреческом эпосе**» содержится обзор словоупотребления *χαροπός* в раннегреческом эпосе и гомеровских гимнах. Следует признать, что контекстуальный анализ приведенных примеров не дает возможности уточнить значение *χαροπός*.

Раздел «**Χαροπός в греческой литературе V–IV вв. до н.э.**» посвящен употреблению *χαροπός* в классический период.

Вначале рассматриваются примеры из аттической поэзии V–IV вв. до н.э., где это слово засвидетельствовано всего 2 раза (*Soph. Phil.* 1146; *Aristoph. Pax* 1065). У Софокла *χαροπός* является эпитетом зверей: здесь Филоктет, сетуя на свою беспомощность, говорит им, что теперь они могут напасть на него и съесть – защититься от диких зверей ему нечем. Очевидно, контекст речи Филоктета говорит в пользу

толкования Латача, считавшего, что *χαροτός* означает «со свирепым взглядом». По крайней мере, ясно, что у Софокла это прилагательное употребляется в русле эпической традиции, где *χαροτός* выступает как эпитет грозных львов. У Аристофана выражение *χαροτοῖσι πιθήκοις*, замыкающее гекзаметрическую строку и намекающее на гомеровский эпитет львов, очевидно, является пародией на эпическую формулу *χαροτοί τε λέοντες*. Таким образом, пример Аристофана не проясняет исконного значения *χαροτός*, свидетельствуя лишь о том, что в V в. до н.э. это прилагательное воспринималось как выражение высокого эпического стиля.

Далее анализируется словоупотребление *χαροτός* в прозаическом языке V–IV вв. до н.э. У прозаиков в этот период *χαροτός* чаще всего характеризует глаза людей и животных (*Hipp. Epid.* III, 14 Jones, *Epid.* II, 5, 1; 6, 1 Smith; *Arist. De gen. anim.* 779 a; *Xen. Cyn.* V, 23; III, 3). По поводу значения *χαροτός* в этих контекстах высказывались разные мнения. Ф. Ланггольф (1990), У. Смит (1994), У. Джонс (1923), В. Капелле (1958), П. Луи (1961), Ж. Трико (1957), вслед за Словарем Лидделла-Скотта (LSJ), связывали *χαροτός* с серо-голубым цветом глаз, считая его синонимом *γλαυκός*. П. Максвелл-Стюарт (1981) и В. Пёчер (1995), напротив, полагали, что *χαροτός* указывает светло-коричневый оттенок глаз. В пользу этого толкования автор диссертации приводит следующие аргументы: 1) *Χαροτός* чаще всего противопоставлено *γλαυκός*, что свидетельствует о том, что этими прилагательными должны были обозначаться различные цветовые оттенки. 2) Значение «серо-голубой» оказывается неожиданным, если иметь в виду первоначальное употребление прилагательного *χαροτός* по отношению ко львам. 3) Поскольку прилагательное *χαροτός* чаще всего ассоциировалось со львами, естественно предположить, что оно стало ассоциироваться со светло-коричневым оттенком, характерным для этих зверей.

Таким образом, в прозаическом языке V–IV вв. до н.э. прилагательное *χαροτός* становится обозначением светло-коричневого оттенка глаз, в то время как в поэзии V в. до н.э. это слово ни с каким определенным цветом еще не соотносилось. Приблизительно в один и тот же период в поэтическом языке редкое эпическое прилагательное сохраняло первоначальное значение со стилистической окраской, а в прозаическом – было переосмыслено, получив цветовое значение «светло-коричневый».

Наконец, в разделе «**Χαροπός в эллинистической литературе**» речь идет семантике этого прилагательного в эллинистический период. Использование χαροπός в поэтической традиции по отношению к морю (*Anacr.* 53, 50; *Anth. Pal.* XII, 53) привело к новому переосмыслению древнего эпитета и появлению значения «голубой». В результате контаминации различных значений изучаемого слова, χαροπός, употребленное применительно к глазам, в позднем языке иногда означает «голубой» (*Theocr.* XX, 25; *Plut. De fac. Lun.* 934 d). Стоит отметить, что у некоторых поздних авторов сохраняется первичное нецветовое значение (*Philostr. Her.* XII, 1, *Imag.* I, 23; *Luc. Dial. Deor.* XIX, 1).

Таким образом, можно предположить, что прилагательное χαροπός, первоначально не являясь цветообозначением, с V в. до н.э., в результате переосмысления гомеровской формулы χαροποί τε λέοντες, получает значение «светло-коричневый», а уже в эллинистическую эпоху иногда воспринимается как обозначение для голубого цвета.

В шестой главе «**Семантика ἡεροειδής, ἡερόεις и ἡέριος**» обсуждаются прилагательные, которые еще в конце XIX в. рассматривались как обозначения для темно-синего оттенка (Феккенштедт, 1888).

В разделе «**Семантика ἄήρ**» содержится краткий обзор мнений по поводу происхождения и значения существительного ἄήρ, к которому восходят эти прилагательные. По поводу этимологии ἄήρ нет единого мнения. В. Прельвиц (1905), Э. Буазак (1923) и П. Шантрэн (1968) сопоставляли существительное ἄήρ с глаголом ἄημι, А. Мейе (1925) – с глаголом ἀείρω. Г. Фриск (1934), А. Мейе (1925), П. Луи (1948), Р. Филипп (1955) возводили греч. ἄήρ к индоевропейскому корню *ueg, объясняя начальный гласный протезой или интенсивной редупликацией. С точки зрения П. Кипарского (1964), греч. ἄήρ восходит к корню *aus-, представленному также в греч. αὔριον, ἥως, ἥρι и лат. auroga, auga. Данные сопоставления позволяют предположить, что сущ. ἄήρ первоначально означало «тусклость, туман». По мнению диссертанта, это значение, подтверждается словоупотреблением ἄήρ у Гомера.

П. Луи (1948) считал, что у Гомера ἄήρ, выражая идею «невидимости», иногда даже означает «темноту». Полемизируя с Луи, автор диссертации стремится обосновать мнение, что облако, обозначаемое существительным ἄήρ, мыслится светлым.

В разделе «**Ἠεροειδής, ἡερόεις и ἡέριος в раннегреческом эпосе**» анализируется словоупотребление этих прилагательных у Гомера и Гесиода.

В начале подробно обсуждается гомеровская формула ἐς ἡεροειδέα πόντον, а также трудные пассажи Od. XII, 232–233 и II. V, 770–772. Контекстуальный анализ этих пассажей позволяет сделать вывод, что ἡεροειδής у Гомера, в первую очередь, означало «туманный, делающий невидимым, непрозрачный».

Впрочем, следует признать, что уже у Гесиода, впервые употребившего ἡεροειδής применительно к ночному мраку (Theog. 757), происходит переосмысление и данное прилагательное наряду с основным значением «непрозрачный» получает значение «темный».

Очевидно, у Гомера это слово было нейтральным и еще не приобрело эмоционально-экспрессивной окраски: так может называться и логово страшной Сциллы, и грот изящных nereid, и неведомое море, и туманная даль за горизонтом. У Гесиода наблюдается противоположная картина: так характеризуется море, когда оно бушует, и ночной мрак.

Далее рассматривается семантика прилагательных ἡερόεις и ἡέριος. В поэмах Гомера прилагательное ἡερόεις чаще всего является эпитетом подземного царства и означает «темный». Прилагательное ἡέριος, вероятно, является производным не от ἡήρ, а от ἡερί, и означает «ранний».

Таким образом, можно сделать вывод, что в раннегреческом эпосе лексемы ἡεροειδής, ἡερόεις и ἡέριος цветообозначениями не являлись.

В заключении формулируются основные выводы диссертации.

Рассмотренный материал позволяет с уверенностью опровергнуть теорию Гладстона, который утверждал, что в гомеровскую эпоху синий и зеленый цвета были недоступны для восприятия. Несостоятельность теории о цветовой слепоте греков была доказана еще в конце XIX как физиологами, так и антропологами. Впрочем, мнение, что в гомеровском языке отсутствуют обозначения для холодных цветов спектра, популярно до сих пор и в классической филологии, и в лингвистике. С точки зрения автора диссертации, данные гомеровского языка говорят против такой концепции. Стоит отметить, что многие цветообозначения характеризуют предметы не только с точки зрения цветового оттенка, сколько с точки зрения световой насы-

ценности. Разносторонний анализ избранных лексем показал, что уже у Гомера $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ могло означать «голубой» или «светлый», $\kappa\upsilon\acute{\alpha}\nu\epsilon\omicron\varsigma$ – и «синий», и «темный», а $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ – и «светлый», и «желто-зеленый».

Очевидно, в гомеровском языке цветовая лексика находится в стадии зарождения: нередко можно наблюдать, что в раннегреческом эпосе цветовое значение зачастую сопутствует нецветовому. Так $\kappa\upsilon\acute{\alpha}\nu\epsilon\omicron\varsigma$ может означать и «густой», и «темный, темно-синий», $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ – и «свежий», и «зеленый».

Это наблюдение подтверждается многими другими примерами и убеждает нас в ошибочности тех гипотез, которые сильно преувеличивают бедность и неадекватность архаического цветового лексикона.

Публикации по теме диссертации:

1. К семантике $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ в древнегреческом языке [Текст] // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 9. Вып. 3. Ч. II. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 56–61.
2. Какого цвета были волосы у Посейдона? (К интерпретации гомеровского эпитета $\kappa\upsilon\alpha\nu\omicron\chi\alpha\acute{\iota}\tau\eta\varsigma$) [Текст] // Классическая филология. Материалы секции XXXVII Международной филологической конференции, 11–15 марта 2008 г. / Отв. ред. Н. М. Ботвинник, О. В. Бudaraгина. – СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. – С. 3–5.
3. К интерпретации $\chi\lambda\omega\rho\eta\acute{\iota}\varsigma$ $\acute{\alpha}\eta\delta\acute{\omicron}\nu$ у Гомера [Текст] // Классическая филология. Материалы секции XXXVIII Международной филологической конференции, 16–20 марта 2009 г. / Отв. ред. Е. Л. Ермолаева. – СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С. 3–5.